Бывший Хранитель

Кьелла

рассказ

Оно сидело на перроне и смотрело в голубую даль. Существо и есть существо – округлая прозрачно-опаловая капелька, а сверху – такой же прозрачный шарик, но почему-то с длинными такими же прозрачными ресничками, колыхавшимися от ветра. В глазу человека есть такая же маленькая прозрачная капелька – хрусталик, очень похожая. Существо не было пока никем, существо было – оно, однако, определённо хотело быть девочкой, дочкой. И даже более того – оно хотело быть дочкой строго определённой мамы. В этой-то «строгой определённости» и заключались все проблемы.

К существу подошёл Ангел. Именно подошёл. Это всё вымысел, что Ангелы всегда летают. В конце концов, здесь, на перроне, точно существуют строгие правила – перемещаться только медленно и пешком, никаких взлётов и посадок. Здесь же – Существа! Они такие лёгкие и их оболочки так тонки, что любое неосторожное прикосновение, поток воздуха могут поранить их или, сорвав, подхватить и унести вдаль. В ту даль, к которой они ещё не готовы.

– Всё сидишь? – спросил Ангел.

– Да, жду пока, – ответило Существо, которое хотело быть девочкой.

– Угу… – неопределённо буркнул Ангел и уселся рядом. Сощурился на солнце. Помолчал. И снова обратился к Существу:

– Два часа назад ведь экспресс ушёл с новенькими, а? Все улетели на Землю, только ты тут сидишь и сидишь! Почему опять не летишь? В этот раз что тебя не устроило?

Существо повернуло прозрачную голову с ресничками к Ангелу.

– Я смотрела на маму, у неё сейчас трудности, ей не до меня, сейчас я ей только помешаю. Я подожду, пока….

Ангел скривился.

– Ой да, подождёшь ты! У этой мамы твоей всю жизнь будут трудности, можешь мне поверить – она нарочно их себе создаёт. Так что же ты – до скончания веков будешь тут сидеть, на ветерке колыхаться бесплотной каплей?

Невидимые реснички моргнули раз, другой – солнышко щекотало их лучами, и в них прыгала весёлая радуга. Странный контраст собой являли прозрачное крохотное существо, с семицветным сиянием вокруг головы, и большерукий широкоплечий Ангел – загорелый, в потёртом камуфле, с сединой в стриженных «ёжиком» волосах и больших пепельных крыльях с неровной кромкой. Контраст во всём – от внешности до голоса. Один светился, пропуская через себя свет, второй – светился изнутри, один был ещё никем и ничего не знал, второй же прожил безвременно-долгую жизнь и повидал многое. Теперь же складывалось впечатление, что один из них смертельно устал от всего, и в частности – выходить на перрон и уговаривать, а другой – никогда не устанет ждать своего, чтобы не дай Бог не получить чужое!

– Я хочу быть девочкой, – повторило Существо словно бы в подтверждение мыслей. – И хочу родиться у неё. Но подожду, потому что я люблю маму и не хочу ей мешать.

Ангел возвёл очи горе и медленно выпустил воздух сквозь плотно сомкнутые губы – так делают часто в момент задумчивости курильщики.

– Ты, конечно, можешь ждать и

дальше, – заметил Ангел. – Но лучше тебе отправиться к своей любимой маме ближайшим рейсом. Потому что ещё через пару месяцев она в очередной раз разревётся на тему того, что «жизнь-не-удалась-никто-не-любит-никто-не-ждёт», хлопнет рапортом о стол и, бросив всё, рванёт на заработки на севера. Ты хочешь родиться маленьким таймырцем?

– Я хочу родиться девочкой! – повторило Существо. – И у моей мамы. Но если она выбрала для нас именно этого папу и ждёт его, то я тоже буду ждать.

– Ну до чего же ты упёртая, а? – покрутил седеющей головой Ангел не то осуждающе, не то одобрительно, но уже обращаясь в женском роде к Существу. – Вся в мать! В будущую свою.

Существо заискрилось, по прозрачной его шкурке-оболочке побежали весёлые огоньки смеха.

– А ты ведь хорошо знаешь мою маму, да? Ты ведь был её Хранителем? Расскажи про неё, пожалуйста. С ней было очень трудно?

– Трудно? – Ангел пошевелил лопатками, расправил правое крыло, снова сложил его – на этот раз так, чтобы длинные маховые перья легли наперёд. Он сгрёб их и стал старательно чистить пальцами, отрывая совсем уж негодные поломанные кончики. – Смотря что под этим словом понимать. Тебе-то будет с ней легко, я думаю, а вот мне, как Хранителю, бывало порой трудновато, да. Но зато очень интересно. – Ангел на миг прикрыл глаза, вспоминая. – Мы очень много путешествовали: по земле, воде и воздуху, в горах и в тайге. Однажды мамина группа шла по реке, посередине которой ревел огромный водопад. Шли дожди, вода в реке сильно поднялась и скальные стены каньона превратились в подобие трубы, в которой ревела многократно усиленная мощь горной реки. Эта мощь была так велика, что вода вырывала с корнем толстые деревья с пологих берегов и ломала, точно щепки, каркасы судов. Много людей погибло тогда, многих забрала взбесившаяся стихия. Мамина группа приняла решение сняться с маршрута и идти пешком. Тропы не было, пришлось ломиться сквозь кедровый стланик, было очень тяжело…

– Мама плакала, да? – сочувственно спросило существо.

Ангел почесал в затылке.

– А… ты знаешь – нет! Вернее – плакала, но не от страха, а от напряжения. У неё был большой груз, с которым надо было ползти вверх по колючему кедрачу между переплетённых веток, она продиралась сквозь стланик, таща больше половины собственного веса – вот тогда от сильного напряжения у неё по лицу текли слёзы, да. Слёзы и пот. Как из мокрой губки, если надавить.

– А как ты ей помог?

– В какой-то момент, когда они шли по узкому карнизу на большой высоте, мама устало оступилась и стала падать вниз по крутому склону. Я схватил её за ремень, а правую руку её быстро зацепил за какой-то торчащий корень, и она повисла на нём.

Существо заискрилось от радостного смеха, довольное счастливой развязкой.

– А потом, – продолжал Ангел, – когда у них кончилась еда, и у мамы от голода начала кружиться голова, я всё-таки решил ненадолго покинуть её, чтобы увести дальше через седловины гор на восток дождевую тучу. Вода в реке стала опускаться и скоро вернулась в свои берега. Тогда люди смогли собрать своё судно и быстро доплыть на нём до человеческого жилья.

– Это было трудно сделать, наверное, да? – задумчиво протянуло Существо. – Договориться с тучей, чтобы она ушла, успеть поймать маму в падении… Сложно.

– Ерунда, если честно, – отмахнулся Ангел, но заметив, как задрожало и приподнялось невесомое Существо от движения воздуха, больше решил резких движений не делать. С одной стороны, может, унесёт прочь этого надоедалу и вздохнуть можно будет с облегчением, а с другой – жалко. Такие Существа: те,

кто сам отправился в путь, не дождался своего экспресса или же был подхвачен случайным ветерком, поднятым Ангелами, – на Земле становятся нежданными детьми, редко желанными для родителей, и участь их почти всегда печальна – они очень быстро возвращаются назад и снова сидят тут, на этом же самом перроне, только тихие, присмиревшие, очень грустные и почти не светятся. К тому же никаких гарантий, что случай приведёт Существо именно к выбранной матери – никаких, сами понимаете, а это – тоже горе.

– А что было сложнее? – спросило Существо.

– А… – начал было Ангел и осёкся. И так ясно, что было самым сложным в его «хранительстве». Естественно – то, с чем он как Хранитель не смог справиться… Но вслух он начал рассказывать Существу о том, как однажды у мамы во время прыжка перехлестнулись стропы парашюта, и ему пришлось их распутывать. О том, как на медкомисии, когда решалась будущая лётная судьба его подопечной, он немного подправил её рентгеновский снимок. О том, как… Да всякую ерунду, любые мелкие случаи – хоть призыв нужного автобуса на остановку, лишь бы не рассказывать любознательной, но неокрепшей душе о том страшном моменте, когда ему, как Хранителю, удалось принять удар на себя, закрыв человека, и ценой собственной ангельской жизни спасти её жизнь. Принять в себя всю её боль, весь её страх и отчаяние. Чтобы она осталась, чтобы жила дальше – пусть и без него…

– А что было самое последнее, что ты сделал для мамы?

«Боже Всемогущий, оно что – мысли читает?!» – вздрогнул Ангел. Невинный вопрос Существа мало того что пришёлся в продолжение его собственных мыслей, так ещё и задан был неестественно мудрым, совсем недетским тоном.

Прежде чем ответить, Ангел с минуту смотрел сквозь прозрачное тельце Существа, сквозь голубой заоблачный свет, растёкшийся по его ресницам – вдаль. Туда, где далеко-далеко, на рас-

стоянии нескольких целительных лет корчилась в муках душа его подопечной: некогда гордая и стремительная, пропитанная хвойным духом тайги и продуваемая всеми ветрами, солнечная и звонкая, а сейчас такая страшная, уродливая и жалкая, будто змея с заживо содранной кожей – какие-то ошмётки, обрывки и чёрные пятна на невыносимо светлом фоне, сокращается и тоненько смешно пищит от боли. Пищит на частоте бедствия одну и ту же фразу: «Господи-забери-меня-к-себе! Забери-заберииии!» Ангел хорошо помнил этот ужас. Он помнил, как выбирал, вытягивал на себя её боль, её отчаяние, как рвались сухожилия и лопались при этом его собственные глаза. Он был Хранителем, то была его работа. Определённо, он выбрал почти всю черноту, оставив человеку лишь самую малость. Увы, такая тяжесть оказалась неподъёмной даже для него. Он не успел ни утешить, ни подбодрить ту девочку – смог только впитать в себя её боль, которая в следующий миг раздавила его самого.

– Я больно ударил её по рукам, – честно ответил Ангел Существу. – Тогда. Чтобы она лезвием ножа промахнулась себе по венам. Ты же знаешь, с её координацией она бы попала… А потом – оказался здесь. И только в этот момент понял, что моя служба закончена.

Если бы Существо было уже маленьким человеком, ребёнком, то непременно нахмурило бы бровки, обдумывая сложный вопрос:

– Что же это должно было, настолько страшное? Почему она, такая сильная, красивая и смелая, хотела сделать такое с собой? А, Хранитель? Скажи…

Маленькая прозрачная живая капля парила над шершавой ладонью Ангела. Его глубоко посаженные серо-зелёные глаза смотрели тепло и устало.

– Уф… давай остановимся на том, что это было именно страшное. Просто страшное. И именно было… Видишь, теперь-то всё давно позади. Посмотри на неё… Теперь она будто торопится жить, навёрстывает долгий период бездействия и отчаяния. И повторюсь: многие трудности она создаёт себе сама, я уверен, – усмехнулся Ангел, – просто для того, чтобы их преодолевать.

– Как же мама теперь, без Хранителя? Ей дали другого?

– Нет, не дали. Ангел-Хранитель бывает только один на всю жизнь. Она и сама, я думаю, почувствовала, что меня больше нет рядом…

– А ты хотел бы снова защищать её, да?

– Ну ты и хитрюга всё-таки, – рассмеялся бывший Хранитель. – Ничего от тебя не скроешь, стою тут как прозрачный! Разумеется, хотел бы. Вся проблема в том, что больше не могу исполнять обязанности Хранителя того же самого создания, которое однажды меня потеряло.

– А моим Хранителем ты можешь стать? – лукаво заискрилось Существо. – Я буду тебя слушаться.

– А как ты думаешь, чего я тут просиживаю часами и тебя поскорее на Землю гоню к матери-то? – в тон Существу ответил Ангел. – А? Будущая ты моя уроженка заснеженного Таймыра?

В прозрачном нутре Существа отчётливо проступили рыжие, вполне человеческие веснушки.

Декабрь 2012 – январь 2013

Рис. автора